

Гилберт Кийт Честертон

Возвращение Дон Кихота

Перевод с английского
Наталии Трауберг

ФТМ

Гилберт Кит Честертон
Возвращение Дон Кихота

«ФТМ»

1927

Честертон Г.

Возвращение Дон Кихота / Г. Честертон — «ФТМ», 1927

Группа молодых аристократов принимает участие в постановке пьесы о Ричарде Львиное Сердце и его любимом трубадуре Блонделе. После успешной постановки события принимают неожиданный оборот – некоторые артисты не желают выходить из своего сценического образа...

© Честертон Г., 1927

© ФТМ, 1927

Содержание

Глава I	5
Глава II	9
Глава III	12
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Гилберт Честертон

Возвращение Дон Кихота

Глава I

Выродок

Зала Сивудского аббатства была залита солнцем, ибо стены ее являли почти сплошной ряд окон, выходящих в сад, уступами спускающийся к парку и освещенный чистым утренним светом. Оливия Эшли и Дуглас Мэррел, почему-то прозванный Мартышкой, спешили использовать свет для живописи, она – для очень мелкой, он – для размашистой. Оливия тщательно выписывала нежные тона, подражая заставкам старинных книг, которые очень любила, как и вообще любила старину, хотя представляла ее себе довольно смутно. Мэррел, верный современности, обмакивал в ведра с яркими красками огромные, как швабра, кисти и ударял ими по холсту, которому предстояло стать задником любительского спектакля. Ни он, ни она рисовать не умели, и знали это, но она хотя бы старалась, а он – нет.

– Вот вы говорите, диссонансы, – рассуждал Мэррел почти виновато, ибо Оливия не отличалась благодушием. – А ваша манера сужает кругозор. В конце концов, задник – та же заставка под микроскопом.

– Ненавижу микроскопы, – отрезала Оливия.

– Однако вам без них не обойтись, – возразил Мэррел. – Для такой мелкой работы вставляют в глаз лупу. Надеюсь, вы до этого не дойдете. Лупа вам не к лицу.

С этим трудно было спорить. Оливия Эшли была хрупкой девушкой с тонким лицом, а изысканное изящество ее зеленого платья отвечало кропотливой строгости занятий. Несмотря на свою молодость, она немного напоминала старую деву. Рядом с Мэррелом валялись тряпки, клочки бумаги и ослепительные образцы неудач, но ее краски и кисточки были разложены в идеальном порядке. Не для нее вкладывали наставления в коробки с акварелью, и не ей приходилось говорить, что кисточку не суют в рот.

– Вы меня не поняли, – сказала она. – Вся ваша наука, весь этот нынешний стиль уродуют и людей, и вещи. Смотреть в микроскоп – все равно что смотреть в сточную яму. Я вообще не хочу смотреть вниз, оттого я и люблю готику. Там все линии стремятся ввысь и указывают на небо.

– Указывать невежливо, – сказал Мэррел. – И потом, могли бы положиться на нас, небо и так видно.

– Вы прекрасно понимаете, о чем я говорю, – отвечала Оливия, трудясь над рисунком. – Самая суть средневековых людей выразилась в их соборах, в острых сводах.

– И в острых копьях, – кивнул Мэррел. – Если вы что-нибудь делали не так, вас протыкали насквозь. Чересчур остро на мой вкус. Острее остроты.

– Они сами кололи друг друга, – возразила Оливия. – Они не сидели в креслах, пока ирландец бьет чернокожего. Ни за что не пошла бы на бокс! А дамой на турнире стала бы...

– Вы были бы дамой, но я не был бы рыцарем, – печально сказал Мэррел. – Не судьба. Родись я королем, меня утопили бы в бочке. Нет, я родился бы крепостным, или как их там... А может, прокаженным... В общем, кем-нибудь таким, средневековым. Только бы я сунулся в тринадцатый век, меня приставили бы главным прокаженным к королю, и я глядел бы в церковь через такое окошечко, как на вашей картинке.

– Сейчас вы туда вообще не заглядываете, – заметила Оливия.

– Предоставляю это вам, – сказал он и окунул кисть в краску.

Писал он тронный зал Ричарда I,¹ используя для этого, к ужасу Оливии, лиловые, багровые и малиновые тона. Ужасаться она была вправе, ибо сама выбрала сюжет и написала пьесу, хотя ее и сбивали более бойкие помощники. Речь в этой пьесе шла о трубадуре, который пел песни и Львиному Сердцу, и многим другим, включая дочь здешнего сеньора, увлекавшуюся любительским театром. Высокородный Дуглас Мэррел легко относился к нынешним неудачам, поскольку проваливался и на других поприщах. Знал он очень много, не преуспел ни в чем. Особенно не повезло ему в политике. Когда-то его прочили в лидеры какой-то партии, но в решительный момент он не уловил связи между налогом на лесные заповедники и применением в Индии карабинов старого образца, вследствие чего племянник эльзасского ростовщика, яснее представлявший себе, в чем дело, его обошел. С тех пор он выказывал любовь к дурному обществу, которая спасла стольких аристократов от беды, а нашу страну – от гибели. Любовь эта отразилась на его одежде и манерах – он стал небрежным и грубоватым, словно нерадивый конюх. Его светлые волосы начинали седеть, но он был еще молод, хотя и намного старше своей собеседницы. Лицо его – простое, но не обыденное – почти всегда казалось печальным, и это было смешно, особенно – в сочетании с галстуками, почти такими же яркими, как его краски.

– У меня негритянский вкус, – сообщил он, делая огромный багровый мазок. – Смешанные и серые тона, которые так ценят мистики, наводят на меня их любимую тоску. Вот говорят, что надо возродить все кельтское. А почему не эфиопское? В банджо больше того-сего, чем в старинной лютне. Какой исторический деятель сравнится с Туссеном Лувертюром² или Букером Вашингтоном?³ Какой литературный герой – с дядей Томом⁴ и дядюшкой Римусом?⁵ Франты хоть завтра станут чернить себе лица, как пудрили когда-то волосы. Да, я начинаю видеть смысл в моей растроченной жизни. Мое призвание – негритянский оркестр на пляже. В пошлости столько хорошего... Как вы думаете?

Оливия не отвечала, словно и не слышала. Она бывала язвительной, но когда становилась серьезной, лицо ее казалось совсем детским. Тонкий профиль и полуоткрытые губы напоминали не просто ребенка, а заблудившуюся сиротку.

– Я помню негра на старинном рисунке, – наконец проговорила она. – Волхва в золотой короне. Сам он был черен, но одежда его горела как пламя. Видите, и с негром, и с яркими цветами не так уж все просто. Такой краски больше нет, хотя я помню людей, пытавшихся ее сделать. Секрет утерян, как секрет цветного стекла. И золото уже не то. Вчера в библиотеке я видела старый требник. Вы знаете, что тогда писали золотом Божье имя? Теперь золотили бы только слово «золото».

После этой речи оба они молчали и работали, пока где-то в коридорах не раздался властный и громкий крик: «Мартышка!» Мэррел кротко терпел это прозвище, но его немного коробило, когда так выражался Джулиан Арчер. Дело было не в зависти, хотя Арчер, не в пример ему, повсюду преуспевал. Между простотой и грубостью есть тонкая грань, которую чувствуют люди вроде Мэррела при всем их негритянском вкусе. В Оксфорде Мэррел выбрасывал в окошко только близких друзей.

Джулиан Арчер был одним из тех, кто поспевает всюду и почему-то всюду нужен. Он не был глуп, никого не обманывал, не лез вперед и оправдывал доверие, когда ему буквально навя-

¹ *Ричард I* Львиное Сердце – английский король Ричард I (1157–1199), коронован в 1189 г., возглавил крестовый поход на Иерусалим (1191), пленен графом Австрийским; по легенде, освобожден из плена трубадуром Блонделем.

² *Туссен-Лувертюр* Франсуа Доминик (1743–1803) – вождь гаитянской революции, которого Наполеон назначил генералом повстанческих армий; в последние годы жизни – единоличным диктатором.

³ *Букер Вашингтон* (1858–1915) – американский политический деятель.

⁴ *Дядя Том* — персонаж романа американской писательницы Гарриет Бичер-Стоу (1811–1896) «Хижина дяди Тома» (1852), старик негр, истинно-христианский мученик.

⁵ *Дядюшка Римус* — персонаж американского фольклора, старик негр, сочинитель сказок о братце Лисе и братце Кролике, собранных американским писателем Джоэлем Харрисом (1848–1908) в книги «Песни и сказки дядюшки Римуса» (1880), «Дядюшка Римус и братец Кролик» (1907).

звали какое-нибудь дело. Но люди потоньше не могли понять, почему обращались к нему, а не к другому. Когда журнал устраивал дискуссию на тему «Можно ли есть мясо?», высказаться просили Бернарда Шоу, доктора Сэлиби, лорда Даусона⁶ и Джулиана Арчера. Когда обсуждали проект национального театра или памятника Шекспиру, речи говорили Виола Три, сэр Артур Пинеро,⁷ Каминс Кэпп⁸ и Джулиан Арчер. Когда выпускали сборник статей о загробной жизни, в нем выражали свое мнение сэр Оливер Лодж,⁹ Мэри Корелли,¹⁰ Джозеф Маккей¹¹ и Джулиан Арчер. Он был членом парламента и многих других клубов. Он написал исторический роман, он считался блестящим актером, так что именно ему и полагалось играть главную роль в пьесе «Трубадур Блондель».¹² В том, что он делал, не было ничего дурного или странного. Его книга о битве при Азенкуре¹³ была вполне хороша, если рассматривать ее как современную историческую повесть, то есть – как приключения школьника на маскараде. И мясо, и бессмертие души он снисходительно допускал. Но свои умеренные мнения он высказывал громко и властно, тем звучным голосом, который сейчас гудел в коридоре. Он был из тех, кто способен выдержать молчание, повисшее после сказанной вслух глупости. Зычный голос повсюду предшествовал ему, как и доброе имя, и фотографии в газетах, запечатлевшие темные кудри и смелое, красивое лицо. Мисс Эшли как-то сказала, что он похож на тенора. Мэррел заметил на это, что голос у него погуше.

Джулиан Арчер появился в виде трубадура, если не считать телеграммы, которую он держал. Он репетировал и раскраснелся от воодушевления; хотя телеграмма, по-видимому, несколько сбила его.

– Нет, вы подумайте, – сказал он. – Брейнтри не хочет играть.

– Что ж, – сказал Мэррел, продолжая трудиться. – Я и не думал, что он захочет.

– Конечно, глупо обращаться к такому типу, – сказал Арчер, – но больше никого нет. Я говорил Сивуду, глупо это затевать, когда все разъехались. Брейнтри просто знакомый... Не пойму, как он и этого добился.

– По ошибке, я думаю, – сказал Мэррел. – Сивуд слышал, что он представляет в парламенте какие-то союзы, и позвал его. Когда обнаружилось, что Брейнтри представляет профсоюзы, он удивился, но не поднимать же скандала. Вероятно, он и сам толком не знает, что это такое.

– А вы знаете? – спросила Оливия.

– Этого не знает никто, – отвечал Мэррел. – А какие-то союзы я сам когда-то представлял.

⁶ ...«Можно ли есть мясо?», высказаться просили Бернарда Шоу, доктора Сэлиби, лорда Даусона... – Бернард Шоу (1856–1950) – друг и постоянный оппонент Честертона, противник брака, курения, спиртных напитков и мяса. Доктор Сэлиби (1878–1949) – референт министра пищевой промышленности Великобритании, автор книги «Солнце и здоровье» (1923), выступал за самоограничение в еде. Лорд Даусон Джон Уильям (1820–1899) – президент Британской и Американской корпораций по развитию науки.

⁷ Артур Пинеро (1855–1934) – английский драматург.

⁸ Каминс Кэпп. – Артур Стреттел Каминс Кэпп (1882–1959) – английский переводчик и драматург, в 20-е гг. XX в. – член парламента.

⁹ Оливер Лодж (1851–1940) – английский физик, электромеханик; пытался примирить религиозное и научное мировоззрение, автор книги «Эволюция и творение» (1927); в мистическом духе выдержано его сочинение «Раймонд, или Жизнь и Смерть» (1925).

¹⁰ Мэри Корелли (1855–1924) – псевдоним английской писательницы и пианистки Мэри Маккей, перу которой принадлежали мелодраматические романы «Варрава» (1893) и «Тревоги Сатаны» (1895), характеризующиеся нагромождением мистических явлений и чудес.

¹¹ Джозеф Маккейб (1867–1955) – британский философ ирландского происхождения, монах-францисканец, с 1895 г. – ректор дублинского Университетского колледжа, в 1896 г. отказался от сана, вышел из ордена и стал критиковать католическое учение с позиций рационалистической философии. Автор труда «12 лет в монастыре» (1897).

¹² Трубадур Блондель – любимый трубадур Ричарда Львиное Сердце (см. примеч.); бродил по Европе и пел песни, в надежде, что сидевший в темнице король услышит и узнает его.

¹³ Битва при Азенкуре (1415) – решающий эпизод Столетней войны (1337–1453), когда лучники английского короля Генриха V (1387–1422) разбили тяжеловооруженную французскую армию.

– Я бы не стал отворачиваться от человека за то, что он социалист, – возгласил свободомыслящий Арчер. – Ведь были же... – и он замолк, пытаясь припомнить примеры.

– Он не социалист, – бесстрастно уточнил Мэррел. – Он из себя выходит, когда его назовут социалистом. Он синдикалист.

– А это еще хуже? – простодушно спросила Оливия.

– Все мы интересуемся социальными вопросами и хотим, чтобы жизнь стала лучше, – туманно сказал Арчер. – Но нельзя защищать человека, который натравливает класс на класс, толкует о ручном труде и всяких немислимых утопиях. Я лично считаю, что капитал накладывает обязанности, хотя и дает...

– Ну, – перебил его Мэррел, – тут у меня свое мнение. Посмотрите, я работаю руками.

– Во всяком случае, играть он не будет, – повторил Арчер. – Надо кого-нибудь найти. Роль маленькая, второй трубадур, с ней всякий справится, только бы он был молод. Потому я и подумал о Брейнтри.

– Да, он еще молод, – сказал Мэррел, – и с ним много молодых.

– Ненавижу их всех, – с неожиданным пылом сказала Оливия. – Прежде жаловались, что молодые бунтуют потому, что они романтики. А эти бунтуют потому, что они циники – пошлые, прозаичные, помешанные на технике и деньгах. Хотят создать мир атеистов, а создадут стадо обезьян.

Мэррел помолчал, потом прошел в другой конец залы, к телефону, и набрал какой-то номер. Начался один из тех разговоров, слушая которые ощущаешь себя в полном смысле этого слова полоумным; но сейчас все было ясно из контекста.

– Это вы, Джек? – Да, знаю. Потому и звоню. – Да, да, в Сивуде. – Не могу, вымазался, как индеец. – А, ничего, вы же придете по делу. – Ну, конечно... Какой вы, честное слово... – Да при чем тут принципы? – Я вас не съем, даже не выкрашу. – Ладно.

Он повесил трубку и, насвистывая, вернулся к творчеству.

– Вы знакомы с Брейнтри? – удивилась Оливия.

– Вы же знаете, что я люблю дурное общество, – сказал Мэррел.

– Даже социалистов? – не без возмущения спросил Арчер. – Так и до воров недалеко!

– Вкус к дурному обществу не делает воров, – сказал Мартышка. – Ворами часто становятся те, кто любит высшее общество. – И он принялся украшать лиловую колонну оранжевыми звездами, в полном соответствии с общеизвестным стилем той эпохи.

Глава II

Враг

Джон Брейнтри был длинный, худой, подвижный человек с мрачным лицом и темной бородкой. По-видимому, и хмурился он, и бороду носил из принципа, как ярко-красный галстук. Когда он улыбался (а он улыбнулся, увидев декорацию), вид у него был приятный. Знакомая с дамой, он вежливо, сухо и неуклюже поклонился. Манеры, изобретенные некогда знатю, стали обычными среди образованных ремесленников, а Брейнтри начал свой путь инженером.

– Вы попросили, и я пришел, – сказал он Мартышке. – Но толку от этого не будет.

– Нравятся вам эти краски? – спросил Мэррел. – Многие хвалят.

– Не люблю, – отвечал Брейнтри, – когда суеверия и тиранию облачают в романтический пурпур. Но это не мое дело. Вот что, Дуглас, мы условились говорить прямо. Я не хотел бы обижать человека в его доме. Союз Углекопов объявил забастовку,¹⁴ а я – секретарь Союза. Я приношу вред Сивуду, зачем же мне вредить ему еще, портить пьесу?

– Из-за чего вы бастуете? – спросил Арчер.

– Из-за денег, – сказал Брейнтри. – Когда за хлебец берут двойную цену, мы должны ее платить. Называется это «сложная экономическая система». Но еще важнее для нас признание.

– Какое признание? – не понял Арчер.

– Видите ли, профсоюзы юридически не существуют, – отвечал синдикалист. – Они ужасны, они вот-вот погубят британскую промышленность, но их нет. Только в этом и убеждены их злейшие враги. Вот мы и бастуем, чтобы напомнить о своем существовании.

– А несчастный народ сидит без угля! – воскликнул Арчер. – Ну что ж, вы увидите, что с общественным мнением вам не сладить. Не будете работать, не подчинитесь власти – ничего, мы найдем людей! Я лично ручаюсь за добрую сотню человек из Оксфорда, Кембриджа и Сити. Они пойдут в шахты и сорвут ваш заговор.

– С таким же успехом, – презрительно сказал Брейнтри, – сто шахтеров закончат рисунок мисс Эшли. Шахтеру нужно уменьше. Углекоп – не грузчик. Хороший грузчик из вас бы вышел...

– По-видимому, это оскорбление? – предположил Арчер.

– Ну что вы! – ответил Брейнтри. – Это комплимент.

Миролюбивый Мэррел вмешался в разговор:

– Очень хорошо! Сперва грузчик, потом трубочист, все чернее и чернее.

– Вы, кажется, синдикалист? – строго спросила Оливия, помолчала и прибавила: – А что это, собственно, такое?

– Попробую объяснить кратко, – серьезно отвечал Брейнтри. – Мы хотим, чтобы шахта принадлежала шахтерам.

– Как же вы с ними управитесь? – спросила Оливия.

– Смешно, не правда ли? – сказал синдикалист. – Не требуют же, чтобы краски принадлежали художнику!..

Оливия встала, подошла к открытому французскому окну и стала хмуро смотреть в сад. Хмурилась она отчасти из-за Брейнтри, отчасти из-за собственных мыслей. Помолчав минуту-другую, она вышла на посыпанную гравием дорожку и медленно удалилась. Тем самым она выразила недовольствие; но синдикалист слишком распалился, чтобы это заметить.

---

¹⁴ Союз Углекопов объявил забастовку. – Тема подсказана крупнейшей в истории Англии забастовкой шахтеров (1925–1926).

– В общем, – сказал он, – мы оставляем за собой право бастовать.

– Не злитесь вы, – настаивал миротворец, просунув между противниками большую красную кисть. – Не буяньте, Джек, а то прорвете королевский занавес.

Арчер медленно вернулся на свое место, а противник его, поколебавшись, направился к французскому окну.

– Не беспокойтесь, – проворчал он, – я не прорву ваших холстов. Хватит с меня того, что я пробил брешь в вашей касте. Чего вы хотите от меня? Я верю, вы настоящий джентльмен, и люблю вас за это. Но что нам с того, кто настоящий джентльмен, кто поддельный? Вы знаете не хуже моего: когда таких, как я, зовут в такие дома, как этот, мы идем, чтобы замолвить слово за братьев, и вы любезны с нами, и ваши дамы с нами любезны, и все прочие, но приходит время... Как вы назовете человека, который принес письмо от друга и не смеет его передать?

– Нет, посудите сами, – возразил Мэррел. – Брешь в обществе вы пробили, но зачем же бить меня? Мне решительно некого позвать. Спектакль примерно через месяц, но тогда здесь будет еще меньше народу, а сейчас надо репетировать. Почему бы вам не помочь нам? При чем тут ваши убеждения? У меня, например, нет убеждений, я износил их в детстве. Но я не люблю обижать женщин, а мужчин здесь нет.

Брейнтри пристально посмотрел на него.

– Здесь нет мужчин, – повторил он.

– Ну, конечно, есть старый Сивуд, – сказал Мэррел. – Он по-своему не так уж плох. Не ждите, что я буду судить его сурово, как вы. Но трубадуром я его не вижу. А других мужчин и правда нет.

Брейнтри все смотрел на него.

– Мужчина есть в соседней комнате, – сказал он, – и в коридоре, и в саду, и у подъезда, и в конюшне, и на кухне, и в погребе. Что за чертоги лжи вы построили, если вы видите этих людей каждый день и не знаете, что они – люди! Почему мы бастуем? Потому что пока мы работаем, вы забываете о нашем существовании. Велите вашим слугам служить вам, но при чем тут я?

Он вышел в сад и гневно зашагал по дорожке.

– Да, – сказал Арчер, – признаюсь, я не мог бы вынести вашего друга.

Мэррел отошел от декорации и, склонив голову набок, стал разглядывать ее взглядом знатока.

– Насчет слуг он хорошо придумал, – кротко сказал он. – Представьте Перкинса в виде трубадура. Ну, здешнего дворецкого. А лакеи сыграли бы лучше некуда.

– Не говорите ерунды, – сердито сказал Арчер. – Роль маленькая, но нужно делать массу всяких вещей. Он целует принцессе руку!

– Дворецкий сделал бы это как зефир, – ответил Мэррел. – Что ж опустимся ниже. Не подойдет он, пригласим лакея, потом – грума, потом – конюха, потом – чистильщика ножей. Если же не выйдет ни с кем, я спущусь на самое дно и попрошу библиотекаря. А что? Это мысль. Библиотекаря!

С внезапным нетерпением он швырнул тяжелую кисть в другой конец залы и выбежал в сад, а за ним поспешил удивленный Арчер.

Было совсем рано, участники спектакля встали задолго до завтрака, чтобы подучить роли и порисовать, а Брейнтри всегда рано вставал, чтобы написать и отослать свирепую, если не бешеную, статью в вечернюю рабочую газету. Утренний свет еще не утратил в углах и закоулках того бледно-розового оттенка, который побудил поэта надеть зарю перстами. Дом стоял на горе, вокруг которой извивался Северн.¹⁵ Сад спускался уступами, но деревья в белом цвету и большие клумбы, строгие и яркие, как гербы, не скрывали могучих склонов. На горизонте клубами пушечного дыма поднимались облака, словно солнце беззвучно обстреливало возвы-

---

¹⁵ Северн – судоходная река на западе Англии, протекает по равнине Гроустер.

шенности земли. Ветер и свет накладывали глянец на склоненную траву, и казалось, что Мэррел и Арчер стоят на сверкающем плече мира. Почти у вершины, как бы случайно, серели камни прежнего аббатства, а за ним виднелось крыло старого дома, куда и держал путь Мэррел. Театральная красота и театральная нарядность Арчера выигрывали на фоне прекрасной, как декорация, природы, и эффект достиг апогея, когда в саду появилась еще одна участница спектакля – девушка в короне, чьи рыжие волосы казались царственными и сами по себе, ибо она держала голову и гордо, и просто, не могла стоять при звуке трубы, как боевой конь в Писании,¹⁶ и радостно несла пышные одежды, развеваемые ветром. Джулиан Арчер в обтянутом трехцветном костюме был очень живописен, и рядом с ним по-современному тусклый Мэррел выглядел не лучше, чем конюхи, с которыми он так часто общался.

Розамунда Северн, единственная дочь лорда Сивуда, была из тех, кто с громким всплеском кидается в любое дело. И красота ее, и доброта, и веселость били через край. Ей очень нравилось быть средневековой принцессой, хотя бы в пьесе; но она не мечтала о старине, как ее подруга и гостя. Напротив, она была весьма современна и практична. Если бы не консерватизм ее отца, она бы стала врачом, а так – стала очень энергичной благотворительницей. Когда-то она увлекалась и политикой, но друзья ее не могли припомнить, отстаивала она или отрицала права женщин.

Увидев издали Арчера, она окликнула его звонким повелительным голосом:

– Я вас ищу. Как вы думаете, не повторить нам нашу сцену?

– А я ищу вас, – перебил ее Мэррел. – Драма в мире драмы. Вы часом не знаете нашего библиотекаря?

– При чем тут библиотекарь? – рассудительно спросила Розамунда. – Конечно, я его знаю. Не думаю, чтобы кто-нибудь знал его хорошо.

– Наверное, книжный червь, – заметил Арчер.

– Все мы черви, – весело сказал Мэррел. – У книжного червя просто вкус потоньше. Но я бы хотел поймать его, как птичка. Розамунда, будьте птичкой, поймите его. Нет, я серьезно. Ты знаешь край... то есть знаете ли вы библиотеку, и можете ли вы изловить живого библиотекаря?

– Я думаю, сейчас он там, – немного удивленно сказала Розамунда. – Пойдите сами, поговорите с ним. Никак не пойму, на что он вам нужен.

– Вы всегда приступаете прямо к делу, – сказал Мэррел. – Какая же вы после этого птичка?

– Райская птица, – вставил любезный Арчер.

– А вы пересмешник, – засмеялась Розамунда.

– Я и червяк, и пересмешник, и мартышка, – согласился Мэррел. – Что поделаешь, эволюция... Но прежде чем превратиться еще в кого-нибудь, я вам объясню. Гордый Арчер не хочет, чтобы чистильщик играл трубадура, и я унижусь до библиотекаря. Не знаю, как его зовут, но нужен нам кто-нибудь!

– Его фамилия Херн, – не совсем уверенно промолвила дама. – Вы к нему не ходите... То есть, я хочу сказать, он человек приличный и, кажется, очень ученый.

Но Мэррел, со свойственной ему стремительностью, уже завернул за угол, туда, где сверкала стеклянная дверь в библиотеку. Там он остановился, глядя вдаль. На фоне утреннего неба темнели два силуэта – именно те, которые он и представить себе не мог вместе. Один был Джоном Брейнтри, другой – Оливией. Правда, когда он на них смотрел, Оливия отвернулась то ли в гневе, то ли в смущении. Но Мэррела удивило, что они вообще встретились. Его печальное лицо стало на минуту озадаченным; потом он встряхнулся и легко вошел в библиотеку.

---

¹⁶ ...как боевой конь в Писании... – См. Книгу Иова, 39:19–25.

Глава III

Библиотечная лестница

Сивудский библиотекарь однажды попал в газеты, но, вероятно, о том не узнал. Было это в 1906 году, во времена великого верблюжьего спора, когда профессор Отто Эльк, неумолимый гебраист, смело и рыцарственно бился с Книгой Второзакония и сослался по ходу дела на близкое знакомство безвестного библиотекаря с древними хеттами. Пусть просвещенный читатель не думает, что это – простые хетты; нет, это более древний народ, называвшийся тем же именем. Библиотекарь действительно знал о них очень много, но только (как он добросовестно разъяснял) за период от объединения царства при Пан-Эль-Заге, ошибочно называемом Пан-Уль-Загом, до бедственной битвы при Уль-Замуле, после которой, естественно, нечего и говорить о древнехеттской культуре. В данном случае мы вправе сказать, что никто не знал, что он знает. Он ничего не писал о своих хеттах, а если бы написал, вышла бы целая библиотека. Но никто не смог бы в ней разобраться, кроме него.

В публичном споре он появился внезапно и точно так же из него исчез. По-видимому, у его хеттов существовала какая-то система совершенно особенных иероглифов, которые на взгляд жестокого мира были трещинами и царапинами полуразрушенного камня. Где-то в Писании говорится, что кто-то у кого-то угнал сорок семь верблюдов; но профессор Эльк возвестил человечеству, что в хеттском рассказе о том же событии, согласно изысканиям ученого Херна, упомянуто лишь сорок. Открытие это подрывало основы христианской космологии, а по мнению многих, – самым страшным и многообещающим образом меняло взгляды на брак. Имя библиотекаря замелькало в статьях, и в перечне претерпевших гонения и небрежение произошла приятная перемена: Галилей, Бруно и Дарвин¹⁷ обратились в Галилея, Бруно и Херна. Что-что, а небрежение здесь было, ибо сивудский библиотекарь продолжал трудиться в одиночку над своими иероглифами и разобрал к этому времени слова «и семь». Но не будут же просвещенные люди обращать внимание на такую мелочь.

Библиотекарь боялся дневного света, и ему вполне подобало стать тенью среди библиотечных теней. Высокий, худой, он к тому же держал одно плечо выше другого. Волосы у него были пыльно-белокурые, лицо длинное, нос прямой, бледно-голубые глаза расставлены очень широко, так что казалось, будто у него, собственно, один глаз, а другой неведомо где. В известном смысле так оно и было – другим его глазом смотрел человек, живший десять тысяч лет назад.

В Майкле Херне было то, что кроется в любом ученом под напластованиями учености и помогает вынести ее груз. Когда это выбивается наверх, оно зовется поэзией. Ведомый чутьем, Херн созерцал то, что изучал. Даже пытливые люди, возлюбившие уголки истории, увидели бы в нем лишь пыльного любителя древности, корпящего над горшками, мисками и пресловутым каменным топором, который так хочется закопать обратно. Это было бы несправедливо. Бесформенные предметы были для него не идолами, но орудиями. Глядя на хеттский топорик, он видел, как кто-то убивает им добычу, которую сварит в хеттском горшке; глядя на горшок, он видел, как кипит в нем вода, в которой варится то, что убил топорик. Конечно, он сказал бы точно, что именно там варилось; он мог бы составить хеттское меню. Из скудных обломков он создал древний город, затмивший Ассирию неуклюжим величием. Душа его блуждала под странным золотисто-синим небом, среди людей в головных уборах, высоких, как гробницы, гробниц, высоких, как крепости, и бород, узорных, как рисунок обоев. Когда он смотрел из

---

¹⁷ Дарвин Чарлз Роберт (1809–1882) – английский естествоиспытатель, основоположник теории эволюции органического мира. Честертон критиковал дарвинизм как проявление позитивистского толкования феномена человека. Критику дарвинизма у Честертона см. подробнее в эссе «О поклонении успеху» (сб. «При всем при том») и в книге «Вечный человек» (1925).

открытого окна на садовника, подметавшего дорожки, он видел чудищ, как бы вырубленных из скалы, и созерцал их властные лица, огромные, словно город. Наверное, хетты немного сместили его разум. Когда один неосторожный ученый повторил при нем досужую сплетню о царевне Паль-Уль-Газили, библиотекарь кинулся на него с метелкой для обметания книг и загнал на вершину библиотечной лестницы. Одни считали, что эта история основана на фактах, другие – что ее выдумал Дуглас Мэррел.

Во всяком случае, она была хорошей аллегорией. Мало кто знает, как много буйства и пыла кроется в глубинах самых тихих увлечений. Боевой дух прячется там, как в норе или в закутке, предоставляя равнодушию и скуке более заметные участки человеческой деятельности. Можно подумать, что популярная газета кипит страстями, а «Труды ассирийской археологии» отличаются миролюбием и кротостью. На самом деле все наоборот. Газета стала холодной, фальшивой, полной штампов, а ученый журнал полон огня, нетерпимости и азарта. Херн просто терял самообладание при мысли о нелепой выдумке профессора Пула, утверждавшего, что сандалия существовала до хеттов. Он преследовал противника, вооружившись если не метелкой, то пером, острым, как пика, и тратил на этот неведомый спор истинное красноречие, безупречную логику и небывалый пыл, которые так и останутся скрытыми от мира. Когда он открывал новый факт, с блеском опровергал ошибку или подмечал противоречие, он и на дюйм не приближался к славе, но обретал то, что редко обретают знаменитости. Он был счастлив.

Вообще же родился он в семье бедного священника, в Оксфорде, умудрился сохранить нелюдность не из отвращения к людям, а из любви к одиночеству, и упорно упражнял не только ум, но и тело, хотя его излюбленные виды спорта не требовали общения, (ходьба и плавание), или отличались старомодностью (фехтование). В книгах он разбирался превосходно и, поскольку ему пришлось зарабатывать себе на жизнь, с радостью согласился смотреть за прекрасной, большой библиотекой, собранной прежними владельцами Сивудского аббатства. Единственный его отдых обернулся тяжким трудом – он поехал на раскопки хеттского города в Аравии; и в мечтах снова и снова возвращался к этим дням.

Он стоял у открытого окна, выходявшего на лужайку, и, засунув руки в карманы, рассеянно глядел вдаль, когда зеленую стройность сада нарушили три фигуры, две из которых казались странными, если не страшными. Их можно было принять за нарядные привидения. Даже менее опытный специалист заметил бы, что костюм их – не хеттский, хотя почти такой же нелепый. Только третья фигура, в светлом костюме, успокаивала своей современностью.

– Ах, мистер Херн, – вежливо, но и доверительно сказала дама в рогатом уборе и узком голубом платье с висячими рукавами, – окажите нам услугу! Мы в ужасном затруднении.

Глаза библиотекаря изменили фокус, словно он вставил в них другие линзы. Теперь он глядел не вдаль, а сюда, на первый план картины, всецело заполненный удивительной дамой. Вероятно, это произвело на него странное действие – он ненадолго онемел, а потом сказал гораздо мягче, чем можно было ожидать:

– Все, что вам угодно...

– Только сыграйте маленькую роль, – попросила дама. – Даже стыдно вам такую предлагать, но все отказываются, а нам жалко бросать пьесу.

– Что это за пьеса? – спросил он.

– Так, чепуха, – сказала она непринужденно. – Называется «Трубадур Блондель», про Ричарда Львиное Сердце. Серенады, принцессы, замки... ну, сами знаете. Нам нужен второй трубадур, который ходит за Блонделем и разговаривает. То есть он слушает, говорит Блондель. Вы это быстро выучите.

– Он еще бренчит на такой гитаре, – подбодрил его Мэррел. – Вроде средневекового банджо.

– Нам нужен, – серьезно сказал Арчер, – богатый романтический фон. Для этого и написан второй трубадур. Как в «Лесных любовниках»¹⁸ – мечты о прошлом, о странствующих рыцарях, об отшельниках...

– Не очень связный рассказ, но вы поймете, – сказал Мэррел. – Будьте фоном, мистер Херн!

Длинное лицо библиотекаря стало скорбным.

– Мне очень жаль, – сказал он. – Я бы так хотел вам помочь. Но это не мой период.

Все озадаченно взглянули на него, но он продолжал, словно думал вслух:

---

¹⁸ «Лесные любовники» (1898) – повесть английского писателя М.-Г. Хьюлетта (1861–1923).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.